

СЛАВА И ГОРДОСТЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В России и за ее рубежами никто еще из мастеров русской музыки прошлого века не был так известен, как Чайковский. Да еще при жизни! Мало кому выпадала такая счастливая доля. Для царской России это было довольно редким явлением. Кто знал, например, кроме сравнительно небольшой группы интеллигенции, гениального современника автора «Пиковой дамы» — Мусоргского? А мелодии «Евгения Онегина» еще до постановки оперы в театрах уже распева-ли во многих, в частности, студенческих кругах и Петербурга и Москвы: издатель П. Юргенсон охотно и быстро издавал каждое новое произведение Чайковского, ибо знал, что убыток не понесет...

Такая популярность музыки Чайковского вызвана прежде всего тем, что в ней отражены многие чувства и мысли самых широких слоев современников, подобно как это было в «Войне и

мире» Толстого или «Бурлаках» Репина. Музыка входила в звуковой мир слушателей — современников своего рода «знакомым незнакомцем». Хотя жизненное содержание ее было новым и человеческие чувства и мысли воплощались в ней по-своему, по-новому, музыкальный язык был словно давно и хорошо знаком. Миллионам слушателей был близок сам принцип музыкального мышления Чайковского: стремление раскрыть, передать то или иное состояние человека прежде всего через выразительную мелодию.

Для мышления Чайковского характерно стремление отразить в своих музыкальных произведениях то или иное явление жизни в его движении, в развитии. Приступая к сочинению оперы, автор всегда имел ориентиры — начальный и конечный этапы развития главных героев. Даже не видя того, что происходит на сцене, и не слушая пения Онегина, толь-

ко по двум контрастным оркестровым вступлениям, пред-посланным первому и последнему появлению на сцене героя оперы (первое — в характере горделивой поступи, второе — взволнованное, словно задыхающееся от сильного возбуждения), мы можем совершенно ясно представить себе два облика героя — в начале, при свидании с Татьяной в саду, и в финале оперы. Такое ощущение образа в движении, в развитии у Чайковского и в большом и в малом.

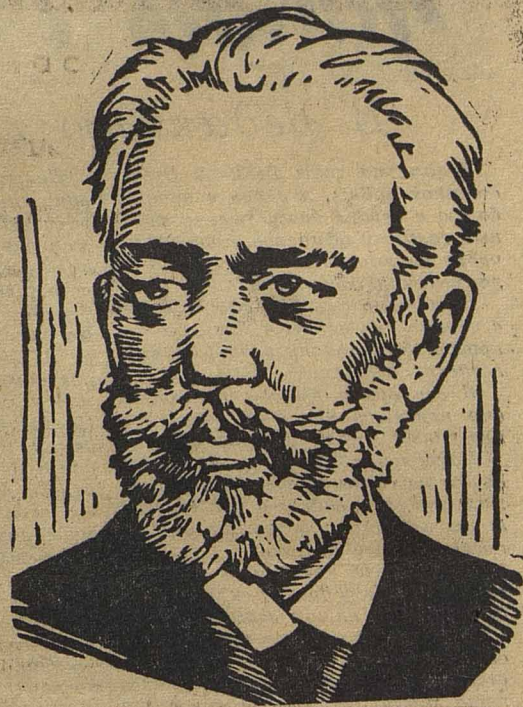
Именно поэтому Чайковский смог стать великим симфонистом. Его симфонии, в особенности три последних — 4-я, 5-я и 6-я симфонические увертюры фантазии («Ромео и Джульетта» по Шекспиру, «Фраческа да Римини», опера «Пиковая дама» и некоторые другие произведения) представляют новую и примечательную главу в истории мирового симфонизма XIX века. Как Бетховен — на своем историческом

этапе — творчески обобщил длительный период развития симфонизма второй половины XVIII века, так и творчество Чайковского веком позже оказалось своеобразным творческим фокусом мирового симфонизма.

Чайковский оставил нам богатое наследство. За 28 лет своей творческой жизни он написал десять опер, семь симфоний и программную симфонию на сюжеты «Манфреда» Байрона, несколько симфонических прелюдий, три балета, три струнных квартета, около ста романсов, три фортепьянных концерта, скрипичный концерт и много других произведений.

Такое творческое обилие объяснялось не только гениальной одаренностью, но и удивительной дисциплиной творческого труда. Где бы он ни жил, — работал каждый день и всегда определенное число часов.

Музыка Чайковского звучит теперь на его Родине ежедневно с сотен сцен

и концертных эстрад, в театральных залах. С ней знакомятся в кинотеатрах, у экранов телевизоров. С 1958 года проводится Международный конкурс музыкантов-исполнителей имени Чайковского. Вскоре заканчивается изда-

ние полного, небывалого по объему, собрания его сочинений. Музыка великого сына русского народа поистине стала нашей славой, силой и гордостью!

Б. ЯРУСОВСКИЙ.
Профессор, доктор искусствоведения.